МИР 30.10.2019 | Джеффри Сакс

Глобальный протест

Для правительств по всему миру массовые беспорядки становятся неожиданностью. Они потеряли связь с обществом и не знают о его настроениях.

В этом году протесты и беспорядки вспыхнули в трех городах, которые входят в число наиболее богатых в мире. В Париже волны протестов и бунтов бушуют с ноября 2018 года, когда президент Франции Эммануэль Макрон повысил налоги на топливо. В Гонконге беспорядки начались в марте, когда глава города Кэрри Лам предложила принять закон об экстрадиции в материковый Китай. А в октябре бунтами взорвался город Сантьяго – после приказа президента Себастьяна Пиньеры повысить цены на проезд в метро. У каждого из этих протестных движений есть собственные, местные причины, но все вместе они демонстрируют более широкую картину: вот, что может произойти, когда ощущение несправедливости начинает сочетаться с массовым ощущением снижения социальной мобильности.

Согласно традиционным показателями ВВП на душу населения, все три города являют собой образец экономических успехов. В Гонконге доход на душу населения равен примерно $40 тысяч, в Париже – более $60 тысяч, а в Сантьяго – около $18 тысяч (это один из самых богатых городов Латинской Америки). В «Докладе о глобальной конкурентоспособности 2019», опубликованном Всемирным экономическим форумом, Гонконг находится на третьем месте, Франция – на 15-м, а Чили – на 33-м (это лучший показатель среди стран Латинской Америке, причем с большим отрывом).Но хотя, судя по общепринятым стандартам, все эти страны достаточно богаты и конкурентоспособны, их население недовольно ключевыми аспектами своей жизни. По данным «Всемирного доклада о счастье 2019», граждане Гонконга, Франции и Чили считают, что во многих смыслах их жизнь парализована.

Каждый год компания Gallup спрашивает людей по всему миру: «Вы удовлетворены или нет свободой выбора при принятии решений о своей жизни?». Гонконг находится на девятом месте в мире по размерам ВВП на душу населения, но он оказался намного ниже – на

66-м месте – по уровню восприятия обществом личной свободы выбора в определении жизненного курса. Подобное расхождение наблюдается и во Франции (25-е место по ВВП на душу населения и 69-е по свободе выбора), и в Чили (48-е и 98-е места соответственно).

Экономический рост без справедливости и экономической устойчивости – это рецепт для беспорядков, а не благополучия

Ирония в том, что и фонд Heritage Foundation, и Университет им. Саймона Фрейзера считают, что Гонконг обладает самой высокой степень экономической свободы в мире, хотя сами жители Гонконга не надеются на свободу выбора при принятии решений о своей жизни. Во всех трех странах городская молодежь, которой не довелось родиться в богатстве, потеряла надежду найти доступное жилье и приличную работу. В Гонконге уровень цен на недвижимость (относительно средних зарплат) – один из самых высоких в мире. А в Чили наблюдается наивысший уровень неравенства доходов среди всех стран, входящих в ОЭСР, клуб стран с высоким уровнем доходов. Во Франции дети из элитных семей в течение жизни пользуются огромными преимуществами. Из-за очень высоких цен на жилье большинство людей оказываются выдавлены из центральных деловых районов, и, чтобы попасть на работу, им приходится пользоваться личным или общественным транспортом. Именно поэтому значительная часть общества особенно чувствительна к любым изменениям в ценах на транспорт, что и показали взрывы протестов в Париже и Сантьяго.

Гонконг, Франция и Чили далеко не в одиночестве сталкиваются с кризисом социальной мобильности и недовольством по поводу неравенства. США наблюдается резкий рост случаев суицидов и других признаков социального неблагополучия (например, массовые убийства) на фоне беспрецедентного роста неравенства и падения общественного доверия к правительству. Несомненно, что США ждут впереди новые социальные взрывы, если мы продолжим проводить привычную политику, в том числе экономическую.

Традиционных

Для предотвращения такого исхода мы

экономических индикаторов благосостояния совершенно недостаточно для измерения реальных настроений в обществе

должны сделать определенные выводы из трех перечисленных случаев. Для всех трех правительств протесты стали неожиданностью. Потеряв связь с обществом, и не зная о его настроениях, власти не смогли предвидеть, что политические решения, казавшиеся вполне умеренными (закон об экстрадиции в Гонконге, повышение топливного налога во Франции, повышение цен на проезд в метро в Чили), спровоцируют массовый социальный взрыв.

Но, наверное, самое важное – и менее удивительное – это то, что традиционных экономических индикаторов благосостояния совершенно недостаточно для измерения реальных настроений в обществе. Показатель ВВП на душу населения измеряет средний доход в экономике, но он ничего не говорит о распределении доходов, о том, как люди оценивают справедливость или несправедливость, об ощущении финансовой уязвимости в обществе и о многих других характеристиках (например, доверие к правительству), которые серьезно влияют на общее качество жизни. В известных рейтингах – «Индекс глобальной конкурентоспособности» Всемирного экономического форума, «Индекс экономической свободы» фонда Heritage Foundation, «Экономическая свобода мира» Университета им. Саймона Фрейзера – субъективные настроения в обществе, например, оценки справедливости, свободы выбора при принятии жизненно важных решений, честности правительства, степени доверия между согражданами в обществе, почти не учитываются.

Чтобы узнать об этих настроениях, надо напрямую спрашивать общество об удовлетворенности жизнью, о чувстве личной свободы, о доверии к правительству и соотечественникам и о других аспектах общественной жизни, которые серьезно влияют на качество жизни и, соответственно, на перспективы возникновения социальных беспорядков. Именно такой подход используется в ежегодном опросе Gallup о благополучии, о результатах которого мои коллеги и я ежегодно сообщаем во «Всемирном докладе о счастье».

Идея устойчивого развития, нашедшая отражение в 17 «Целях устойчивого развития» (ЦУР), которые правительства стран мира утвердили в 2015 году, заключается в том, чтобы выйти за рамки традиционных индикаторов, таких как темпы роста ВВП или доход на душу населения, и начать использовать намного более богатый

набор целей, включая социальную справедливость, доверие, экологическую устойчивость. В программе ЦУР, например, особое внимание уделяется не только проблеме неравенства доходов (ЦУР №10), но и более широким показателям благополучия (ЦУР №3).

Эта программа призывает каждую страну измерять пульс у населения и внимательно присматриваться к причинам социального неблагополучия и недоверия. Экономический рост без справедливости и экономической устойчивости – это рецепт для беспорядков, а не благополучия. Нам надо предоставлять намного больше государственных слуг, активней перераспределять доходы от богатых к бедным, увеличивать государственные инвестиции, направляемые на достижение экологической устойчивости. Даже те решения, которые выглядят разумно, например, сворачивание топливных субсидий или повышение цен на проезд в метро для покрытия его убытков, будут приводить к массовым беспорядкам, если они принимаются в условиях низкого общественного доверия, высокого уровня неравенства и охватившего всех чувства несправедливости.

(c) Project Syndicate

Джеффри Сакс
Нью-Йорк

Джеффри Сакс (Jeffrey D. Sachs) – американский экономист, профессор Колумбийского университета, директор Центра устойчивого развития и устойчивого развития сетевых решений ООН (Колумбия).

1 LESERBRIEFE

Вита schrieb am 07.11.2019

Статья слабенькая, много повторов,читать скучно,всю информацию можно вместить в 5 предложениях...Хотя тема важная.